КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А.А. Сагомонян*

ИСПАНСКАЯ БИТВА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

В статье рассматриваются международные аспекты одной из наиболее сложных проблем послевоенного урегулирования в Европе — так называемого испанского вопроса (1945—1948). Отношение к режиму генерала Ф. Франко в Испании и его будущему разделило державы-победительницы, породив таким образом один из первых узлов «холодной войны». Анализ всего комплекса противоречий, связанных с испанским вопросом, позволяет уточнить и начальные хронологические рамки «холодной войны», и мотивы поведения ее главных действующих лиц, и предпосылки первых проявлений двухполюсной конфронтационности. Он также выводит на многие острые проблемы современного мира и, в частности, позволяет лучше понять механизмы воздействия государств-лидеров на так называемые неприемлемые режимы.

Ключевые слова: испанский вопрос, Франсиско Франко, «холодная война», ООН, международные санкции, невмешательство.

The article examines the international dimensions of one of the most complicated issues of the post-war settlement in Europe — the so-called «Spanish Question» (1945—1948). The dissent among the victorious powers on the future of F. Franco regime in Spain incited one of the first conflicts of the Cold War. The examination of the full spectrum of contradictions over the Spanish Question assists in specifying the chronological limits of the Cold War, the motivation behind the behavior of its principal actors, and the factors that brought about the first chills of the bipolar confrontation. It also sheds the light on many topical contemporary issues — i.e. it deepens our knowledge of how the leading powers deal with the unacceptable regimes.

Keywords: Spanish Question, Francisco Franco, Cold War, United Nations, international sanctions, non-interference policy.

В самый начальный период послевоенного противостояния Востока и Запада одним из его аспектов — не первостепенным, но достаточно заметным — стал так называемый испанский вопрос. Все перипетии этого вопроса, возникшего в международной по-

* *Сагомонян Александр Артурович* — д.и.н., профессор кафедры истории международных отношений и мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: scobochka@mail.ru).

вестке дня на завершающем этапе Второй мировой войны и остававшегося актуальным примерно до конца 1948 г., чрезвычайно выпукло отражают динамику основных тенденций начавшегося тогда переходного периода в международных отношениях. Этот почти не учитывавшийся ранее аспект эпохи генезиса «холодной войны» позволяет уточнить и ее начальные хронологические рамки, и мотивы поведения ее главных действующих лиц.

Сюжет этот в настоящее время малоизвестен, хотя в 1945—1947 гг. о ситуации во франкистской Испании и вокруг нее писала пресса многих стран мира, ее анализировали ведущие политики и дипломаты, активно обсуждала общественность. Наконец, упорная борьба вокруг Испании развернулась в стенах только что созданной Организации Объединенных Наций, в том числе в Совете Безопасности. Представители различных политических лагерей демонстрировали здесь весь арсенал полемических приемов — от полных пафоса призывов к «миролюбивому человечеству» до скрупулезных юридических выкладок. Эти споры отражали противоположность целей и подходов в испанском вопросе, а затем — и все большее нарастание конфронтационности в отношениях между Советским Союзом и западными державами.

В 1946 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла две резолюции по испанскому вопросу, а в апреле—июне его рассматривал Совет Безопасности. Само включение вопроса в повестку дня этого органа — чрезвычайный по значимости факт. Это был выход на самый высокий уровень обсуждения международных проблем, итог сложных дипломатических баталий. Испанский вопрос стал одним из первых «пробных камней» для проверки дееспособности и эффективности ООН.

Так называемый испанский вопрос действительно был неоднозначным, не имел аналогов в послевоенной Европе. Испания, с одной стороны, была долгие годы дружественным по отношению к Гитлеру и Муссолини государством, оказывала им помощь, а сам режим, установленный генералом Ф. Франко после победы в гражданской войне (1936—1939), считался фашистским. Но с другой стороны, страна формально сохраняла нейтралитет и ближе к концу Второй мировой войны все больше проявляла гибкость во внешней политике.

Великая победа над фашизмом не могла не актуализировать воспоминаний о гражданской войне в Испании, ее трагических итогах, поражении в ней антифашистского лагеря. После разгрома Германии и Италии постановка вопроса об устранении их «прислужника» Франко и передаче власти демократическому правительству имела много сторонников. Тем не менее формальных поводов для внешнего силового вмешательства в испанские дела не

было. Правительства США и, особенно настойчиво, Великобритании отвергали подобный сценарий развития событий, хотя сам франкистский режим осуждали.

Великобритания, которая исторически имела наиболее реальные, «осязаемые» интересы в этом регионе (как стратегические, политические, так и экономические), с самого начала придерживалась твердой и вполне определенной линии. Здесь отчетливо проявился главный вектор британской политики в первые послевоенные годы: стремление сохранить былые имперские позиции и даже «повести за собой» США в деле отпора советскому продвижению в Европу, не допустить дестабилизации на западе континента. Отсюда — бескомпромиссное отстаивание тезиса о невмешательстве во внутренние дела государств, неприятие любых действий, которые могли бы грозить «твердому порядку» в Испании.

США довольно долго не проявляли непосредственной, прямой заинтересованности в испанском вопросе, а свою роль видели в том, чтобы на данной «почве» утверждать свою миссию третейского судьи в международных делах и главного борца за демократию. Забегая несколько вперед, можно сказать, что пересмотр их позиций, переход на язык реальных стратегических интересов начался после вступления «холодной войны» в стадию полномасштабного развертывания.

Советский Союз, роль которого в период испанской гражданской войны хорошо известна и который по-прежнему поддерживал тесные связи с испанской компартией, был настроен более решительно. СССР был бы весьма заинтересован в «восстановлении исторической справедливости» в отношении Франко и его режима. Кроме того, на советском фронте сражалась «добровольческая» испанская «Голубая дивизия», т.е. для Москвы франкистская Испания была участницей войны (хотя официально и не признанной таковой) и союзницей Гитлера.

Проблема отношения к франкистской Испании и ее политического будущего стала одним из факторов, разделивших недавних союзников-победителей; вокруг нее, как и в других случаях (ситуация в Иране, Турции, Греции и др.), разгоралось их открытое и тайное противоборство. Вопрос о будущем Испании приобрел широкое международное звучание в тот противоречивый переходный период истории, когда другие проблемы послевоенного мироустройства еще не вызрели окончательно и не вышли на первый план.

Рассмотрение каждого из подобных узлов противоречий углубляет наши представления об истоках «холодной войны», ее хронологических рамках, движущих силах и т.п. Но не только. В свете последующего исторического опыта, и особенно событий нынешнего рубежа веков, на испанском материале выявляется целый

комплекс актуальных проблем более общего политического и теоретического характера: каковы могут быть механизмы воздействия государств — мировых лидеров на так называемые неприемлемые режимы; как установить баланс между принципом невмешательства и необходимостью обеспечить мировую и региональную безопасность; к каким последствиям могут привести меры международного давления — и для баланса сил в мире, и для самой «страны-изгоя» и т.п.

* * *

О том, что И.В. Сталин имел определенные представления о «желательном будущем» для Испании, сообщает в своих мемуарах член ЦК КПИ Энрике Листер (находившийся в эмиграции в СССР). В середине октября 1944 г. он обсуждал эту тему в двухчасовой беседе с Георгием Димитровым, бывшим главой Коминтерна, а затем заведующим Отделом международной информации ЦК ВКП(б). По словам Э. Листера, идеи И.В. Сталина сводились к тому, чтобы «расстроить планы западных империалистов, желающих сохранить Франко у власти после военного разгрома фашизма». Для этого необходимо «сформировать правительство <...> которое могло бы говорить от имени испанского народа», а поддержку этому правительству должно обеспечить «народное движение, основным выражением которого могла быть только — учитывая ситуацию в Испании — партизанская борьба» [17, p. 28; 10, p. 254—255].

О тех же проблемах шла речь на встрече самого И.В. Сталина (при участии Г.М. Маленкова и Л.П. Берии) с генеральным секретарем КПИ Долорес Ибаррури в феврале 1945 г., накануне ее отъезда из СССР во Францию[1]. Д. Ибаррури утверждала в своих воспоминаниях: советские руководители тогда заявили, что СССР готов взять на себя поставки оружия испанским партизанским отрядам и, более того, включить испанскую оппозицию в число членов антигитлеровской коалиции [3, с. 102—103].

Эти планы чуть было не спутали лидеры партизан, находившиеся во Франции, которые не стали дожидаться помощи из Москвы и приезда оттуда коммунистического руководства. Сразу после освобождении Франции они решили организовать крупную наступательную операцию силами испанских республиканцев, сражавшихся на стороне французского Сопротивления. Операция была проведена в октябре 1944 г. Предполагалось, что партизанское соединение в несколько тысяч человек, перейдя границу, сумеет

[1] После освобождения Франции в ее южных департаментах, на границе с Испанией, стали концентрироваться силы испанской оппозиции, в том числе вооруженные формирования.

образовать на севере Каталонии, в долине Аран, стабильный фронт, захватить какой-либо крупный город и учредить там правительство, после чего можно будет добиваться его признания странами антигитлеровской коалиции. Повстанцы надеялись, что их действия вызовут массовые выступления по всей стране. Этим планам, однако, не суждено было осуществиться. Неподготовленная ни в военном, ни в политическом отношении операция в долине Аран закончилась полным разгромом партизанского корпуса и отступлением его остатков во Францию.

Испанский историк В. Альба сообщает: «Осенью 1944 г. коммунисты [во Франции] выдвинули лозунг “Да здравствует национальное восстание!” Для обоснования этой идеи утверждалось, что ее внушил сам Сталин, который отдал приказ о вторжении в Испанию. Никто не знает, как он передал свой приказ и кто его слышал. Но многие поверили в него. После долгих лет молчания Сталина об Испании их воодушевило, что он удостоил их приказа о выступлении» [9, p. 273]. Один из руководителей операции в долине Аран Л. Товар утверждал: «Я убежден, что Сталин не имел к ней [операции] никакого отношения. В то время перед ним стояли такие большие проблемы, по сравнению с которыми наша была слишком мала» [10, p. 253]. С этим, безусловно, трудно не согласиться.

Один из руководителей испанской компартии С. Каррильо, прибывший из-за рубежа в разгар этих событий, в своем докладе в Отдел международной информации ЦК ВКП(б) в феврале 1945 г. сообщал о подробностях операции. Главный негативный эффект ее С. Каррильо видел в том, что в результате «были практически потеряны месяцы сентябрь, октябрь и часть ноября, когда можно было проникнуть в Испанию *для ведения подлинной партизанской борьбы с использованием большого количества людей и военных материалов*» (курсив наш. — *А.С.*) [4]. Видимо, именно такую тактику — «классических» партизанских действий — поддерживала и Москва. Некоторые факты свидетельствуют, что советское руководство действительно было готово поддержать развертывание партизанской борьбы в Испании, но только по завершении войны с Германией, после должной материальной и политической подготовки, а в наиболее благоприятном варианте — опираясь на хотя бы косвенно засвидетельствованное согласие союзников.

В Москве еще в конце 1944 г. было принято решение об отъезде всех испанских коммунистических руководителей во Францию. Тогда же Г. Димитров сообщал И.В. Сталину, что по просьбе Д. Ибаррури он послал запрос И. Броз Тито «о возможности направления в Югославию и временного использования в Народно-освободительной армии испанских товарищей Модесто (русская фамилия Морозов Георгий Георгиевич), Листер (русская фамилия

Лисицын Эдуард Эдуардович) и Кордон (русская фамилия Кузнецов Антон Антонович). Товарищ Тито ответил согласием <...> В таком случае т.т. Модесто, Листер и Кордон будут иметь возможность через некоторое время переехать ближе к Испании для работы по линии испанской компартии» [2]. Обосновавшись во Франции, руководство КПИ приступило к переброске в Испанию небольших партизанских и диверсионных групп, которые рассредоточивались по всей территории страны и были призваны консолидировать все «активные антифранкистские элементы». Переброска этих групп шла в течение всего 1945 г. Они проводили мелкие акции, которые, однако, исчислялись сотнями.

Соответственно, нарастал и вал репрессий в Испании в отношении коммунистического подполья. В стране не было условий для развертывания массовой повстанческой борьбы, ведь главный залог ее успеха — поддержка населения, особенно сельского, а в обескровленной недавней гражданской войной и террором стране народ жаждал мира и стабильности.

Вряд ли организаторы борьбы пошли бы на такие жертвы, если бы не рассчитывали на ее широкий международный резонанс и поддержку извне.

В самом начале Потсдамской конференции И.В. Сталин предпринял попытку прозондировать позиции западных союзников в отношении Испании и внес предложение рассмотреть вопрос о режиме Франко. В советском проекте резолюции по этому вопросу утверждалось, что режим Франко является «серьезнейшей опасностью для свободолюбивых наций в Европе и Южной Америке», рекомендовалось порвать с ним всякие отношения и «оказать поддержку демократическим силам Испании». Однако У. Черчилль решительно не соглашался даже обсуждать советское предложение. То, что речь шла о прокоммунистическом правительстве, попытки которого утвердиться у власти в Испании приведут к возобновлению гражданской войны, не вызывало в англо-американском лагере никаких сомнений.

В заключительный документ конференции все же был внесен пункт об отказе «теперешнему испанскому правительству» в членстве в ООН [8, с. 334]. О каком-либо вмешательстве в испанские дела или же акциях против Франко речь не шла, хотя однозначное осуждение его режима вселило надежды в испанскую оппозицию. Но главное, объявляя Франко «изгоем», потсдамская резолюция ставила определенный политический и моральный барьер на пути возможной нормализации отношений между его правительством и западными демократиями.

Франко, со своей стороны, все чаще стал заявлять, что его дружба со странами «оси» была обусловлена необходимостью противо-

стоять коммунизму, в настоящее время он предпринимает некоторое косметическое обновление своего режима в ожидании того момента, когда наступит конец «чудовищной аномалии» — альянсу демократических стран с Советским Союзом. В западных же столицах все больше склонялись к убеждению, что СССР весьма заинтересован в «детонировании» в Испании гражданской войны, которая привела бы к власти коммунистов.

В последние месяцы 1945 г., с окончанием военных действий на Дальнем Востоке и завершением Второй мировой войны, во многих странах мира, особенно в заметно «полевевшей» Франции, все шире стала разворачиваться международная кампания против режима Франко — «последнего реликта фашизма». Министры и парламентарии — представители левых партий, профсоюзы, различные общественные комитеты, СМИ выдвигали требования разрыва дипломатических отношений своих стран с Испанией и объявления ей экономической блокады. Есть сведения, что в это время СССР активизировал свое участие в испанском вопросе, оказывая давление на французскую дипломатию через министров — членов Французской коммунистической партии, настаивая, чтобы Париж «определился в своей политике в отношении Франко» [18, p. 331].

3 февраля 1946 г. Джордж Кеннан, поверенный в делах США в Москве, направил госсекретарю Дж. Бирнсу послание, в котором проанализировал основы «испанской» политики Советского Союза. По его мнению, эта политика — следствие событий гражданской войны и Второй мировой войны, и с этим трудно не согласиться. Свержение франкистами республиканского правительства Испании, отправка на русский фронт «Голубой дивизии» (причастной к разрушению и разграблению Большого Екатерининского дворца в Царском Селе, «возможно, самого прекрасного из русских исторических памятников») определили враждебное отношение Москвы к режиму Франко и желание его устранить. Играют свою роль также политические и стратегические интересы. По мнению Дж. Кеннана, Советский Союз стремится к созданию в Испании прокоммунистического правительства для поддержки с этого ключевого плацдарма компартий в Италии и Франции, проникновения в Латинскую Америку и Марокко. (Нельзя не отметить, что позиции СССР автор явно добавил геополитического «размаха», в то время как она была достаточно прагматичной.)

Дж. Кеннан утверждал далее: для достижения своих целей Кремль не может делать ставку ни на свою военную мощь (так как потребовалось бы применение авиации и военно-морских сил, которых у СССР явно недостаточно), ни на слабую антифранкистскую оппозицию внутри Испании, ни тем более на непопулярную

КПИ. Поэтому тактика Советского Союза, как писал американский дипломат, заключается в мобилизации мирового общественного мнения и воздействии через него на западные правительства. Добиваясь принятия против Франко жестких санкций, Москва рассчитывает, что в условиях дестабилизации и беспорядков в стране организованность и дисциплина компартии позволят ей взять ситуацию под контроль. По мнению Дж. Кеннана, интересы России в Испании неизбежно столкнутся с интересами Великобритании и США [14, p. 1033—1036].

Интересно, что этот документ появился совсем незадолго до знаменитой «длинной телеграммы» Дж. Кеннана, в которой давалась оценка советским геополитическим притязаниям в целом и выдвигалась концепция «сдерживания» (телеграмма была отправлена из Москвы 22 февраля). В ней также не был обойден вниманием Пиренейский полуостров: «Если Испания попадет под коммунистический контроль, — предупреждал автор, — вопрос о советской базе на Гибралтаре может быть решен».

Таким образом, в начале 1946 г. проблема будущего Испании стала приобретать широкое международное звучание.

И вот именно на этом фоне в феврале 1946 г. в Испании было объявлено о казни партизанского командира, в недавнем прошлом — героя французского Сопротивления Кристино Гарсиа и девяти его товарищей. Вскоре к длительным срокам тюремного заключения были приговорены 37 социалистов. Казни и репрессии были обычной практикой франкистского режима, однако в обстановке, когда к нему были прикованы ожидающие взоры мирового сообщества, это был откровенный вызов.

Казнь партизан имела большой и весьма длительный резонанс во многих странах, но прежде всего — в СССР. Для советской прессы это событие стало поводом для новых резких обличений испанской диктатуры и тех *кругов* в «некоторых странах», которые стремятся «сохранить последний фашистский очаг в Европе» (речь о *правительствах* этих стран пока еще не шла).

Французское правительство под давлением приобретших огромное влияние левых партий, а также профсоюзов приняло решение закрыть границу с Испанией и прекратить с ней всякие экономические отношения. Оно выдвинуло также идею обсудить испанский вопрос в Совете Безопасности ООН.

США и Великобритания не были, однако, заинтересованы в том, чтобы в подобное обсуждение (в качестве члена Совета Безопасности) включился Советский Союз, который сумел бы извлечь из этого политические и пропагандистские выгоды. В Лондоне пришли к выводу: французская инициатива во многом инспирирована «советскими агентами», которые делают ставку на то, что

возможные инциденты на франко-испанской границе спровоцируют военный конфликт и заставят вмешаться великие державы.

Выход был найден в том, что три западные державы выступили с собственной декларацией, осудившей политику франкизма и подтвердившей их нежелание поддерживать с ним «полномасштабные и сердечные отношения» (4 марта 1946 г.). Трехсторонняя декларация содержала следующую оговорку: «Не существует намерения вмешиваться во внутренние дела Испании. Испанский народ должен в конечном счете сам решать свою судьбу» [16, p. 62]. Этот документ гарантировал признание и помощь будущему демократическому правительству со стороны западных держав, однако о каком-либо их содействии в деле самого свержения диктатуры не говорилось.

9 марта в «Правде» появилась большая статья (без подписи) «К ликвидации фашистского режима в Испании», где давалась не только исчерпывающая оценка Кремлем англо-американо-французского заявления, но излагалось также ви́дение советским руководством испанской проблемы в целом. В Архиве внешней политики Российской Федерации содержится документальное свидетельство того, что автором этой статьи был нарком иностранных дел В.М. Молотов. Его записка, адресованная И.В. Сталину, гласила: «Прилагаемую статью об Испании я направил в “Правду” для напечатания <...> Нет ли возражений или поправок?». И на ней — краткая резолюция: «Можно. Ст.» [5].

Полемика с позицией западных стран начиналась уже с первых фраз, а именно с утверждения, что в Испании «фашистский режим фактически *поддерживает состояние гражданской войны*». Впоследствии этот слишком «смелый» тезис не получил развития в советской пропаганде, зато второй принципиально важный момент в ближайшие месяцы повторялся буквально во всех выступлениях советских политиков и дипломатов по испанскому вопросу: режим Франко «*представляет собой угрозу для всеобщего мира и безопасности*» (курсив наш. — *А.С.*). Это, безусловно, должно было стать главным аргументом для передачи вопроса в Совет Безопасности ООН, а впоследствии — для применения к Испании санкций. Содержание и уровень данной публикации явно указывали: Москва готовилась начать новый, решающий тур зондирования ситуации вокруг Испании. Причем помимо организации международного давления предполагалось действовать и через иные каналы.

Одним из свидетельств последнего является сообщение поверенного в делах США в Испании Ф. Бонсала, которое тот направил госсекретарю 8 марта 1946 г.: «В Париже некоторое время находилась советская военная миссия <...> В СССР опасаются, что США и Великобритания добиваются, чтобы внешняя и экономическая

политика Испании ориентировалась на них. Советский Союз стремится расстроить планы западных демократий и с этой целью задействовал мощные средства для проникновения в Испанию. Среди этих средств — использование дисциплинированной Французской компартии и испанских эмигрантов во Франции. Влияние Москвы на французских коммунистов и испанских беженцев стало совершенно очевидно в последнее время. <...> Члены советской военной миссии в Париже имеют постоянные контакты с испанскими эмигрантами. [Один из них] действует в департаменте Арьеж и пытается организовать отправку нелегальных грузов с оружием и амуницией в Испанию. Другой находится в Нанси, где занимается пересылкой подобных же грузов морем. Пассионария, лидер испанских коммунистов, которая несколько лет жила в России, постоянно посещает советское посольство и передает другим испанским группам полученные приказы» [15, p. 1047—1048]. Надо, однако, заметить, что перечисленные автором реально задействованные Москвой силы явно несоразмерны названной им цели — «расстроить планы западных демократий».

Тем временем советские дипломаты уже разрабатывали проект резолюции Совета Безопасности по Испании (в Архиве внешней политики РФ находится письмо посла СССР в Вашингтоне А.А. Громыко В.М. Молотову от 11 марта с соответствующими предложениями). Тактика предполагалась следующая: для англичан советский проект окажется неприемлемым, они будут вынуждены «тянуть назад и компрометировать себя в глазах общественного мнения», но в любом случае надо стремиться к принятию резолюции [1]. Таким образом, советская дипломатия выразила готовность добиваться через ООН всеобщего разрыва дипломатических отношений с Франко, а в случае неудачи использовать обсуждение своего проекта для компрометации сторонников невмешательства.

Англичане, со своей стороны, уже неоднократно высказывались и против прерывания дипотношений с Испанией, и против нарушения торгового обмена. Так, министр иностранных дел Э. Бевин разъяснял на конференции Лейбористской партии, что «жесты» типа отзыва послов не эффективны, если не подкрепляются позитивной политикой. «Мы [в свое время] разрывали отношения с Россией, но мы никак не повлияли этим на политику России <...> Если мы ввяжемся в это дело, мы приобретем ненависть испанского народа, а не его поддержку» [11, p. 278]. Отметим, что последний довод заслуживает особого внимания в свете последующих событий.

Параллельно нарастала антифранкистская кампания во Франции. На огромной манифестации в Париже секретарь ФКП Андре Марти заявил: коммунисты готовы вооружить 100 тысяч бойцов для

вторжения в Испанию. Тогда же французский министр иностранных дел Ж. Бидо объявил американскому послу, что «постарается сделать все возможное, чтобы избежать постановки [испанского] вопроса перед Советом Безопасности». По словам министра, его положение было просто отчаянным: уже несколько дней с ним добивается встречи советский посол, который, несомненно, будет оказывать на него давление в этом отношении [15, p. 1058—1059].

Таким образом, и широкая международная антифранкистская кампания, поддерживаемая Советским Союзом, и настойчивость в продвижении испанского вопроса в Совет Безопасности ООН, и видимая активизация помощи испанским партизанам складывались к весне 1946 г. в звенья одной цепи. Видимо, в Москве к этому времени сложился определенный план, для реализации которого требовался, однако, целый комплекс благоприятных условий. Но даже при отсутствии успешного воздействия на ситуацию в самой Испании эта страна представляла серьезный интерес как козырь в разворачивавшемся политическом противоборстве с Западом.

Не дождавшись определенности от Франции, Советский Союз предпринял решительную попытку заострить испанский вопрос в ООН, действуя через своего нового союзника — Польшу, которая и внесла соответствующее предложение. Как раз в начале 1946 г. польский представитель на два года вошел в Совет Безопасности в качестве непостоянного члена. Этим представителем стал человек весьма неординарный — Оскар Ланге, крупный экономист, около 12 лет проживший на Западе, профессор Чикагского университета, а впоследствии — член ЦК Польской объединенной рабочей партии, академик. Он был одним из нескольких видных эмигрантов-некоммунистов, которые согласились сотрудничать с СССР в деле формирования нового коалиционного польского правительства. О. Ланге приезжал в Советский Союз весной и осенью 1944 г., встречался с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, участвовал в обсуждении польской проблемы во время визита в Москву У. Черчилля и С. Миколайчика, премьера польского правительства в эмиграции.

На заседании 17 апреля 1946 г. О. Ланге выступил в Совете Безопасности ООН с предложением разорвать отношения с режимом Франко как *создающим угрозу международному миру*. Он обосновывал это тем, что Испания имеет большую армию, наращивает свои силы на французской границе и т.п., но главное — что скрывающиеся в Испании нацисты занимаются разработкой «новых видов оружия» — имелась в виду атомная бомба (!). Представитель СССР А.А. Громыко решительно поддержал и дополнил своего польского коллегу, но сторонников у него оказалось не так уж много: «убийственный» тезис об испанской атомной бомбе не сработал [6, с. 123].

Противоположный лагерь возглавил делегат Великобритании, который отказывался признавать в действиях Франко угрозу миру. Главное его возражение заключалось в том, что все обвинения бездоказательны, а в таком случае Устав ООН не дает права на какое бы то ни было вмешательство во внутренние дела государства.

Во время дискуссии США демонстрировали центристскую, «взвешенную» позицию. Обнадеженный этим А.А. Громыко даже попытался косвенно апеллировать к американскому представителю: «Известно, что гражданские войны в некоторых странах были не так уж плохи. Всем известно историческое место гражданской войны в Соединенных Штатах Америки и ее значение. Боязнь гражданской войны в Испании представляет собой оправдание бездействия в отношении насажденного Гитлером и Муссолини фашистского режима». Не трудно предположить, какое впечатление это заявление произвело на западных дипломатов...

После нелицеприятного обмена мнениями 26 апреля было решено передать испанский вопрос на рассмотрение специального подкомитета из пяти человек — представителей Австралии, Польши, Бразилии, Китая и Франции.

Подкомитет работал больше месяца и 31 мая 1946 г. представил свой доклад. Его выводы носили двойственный характер. С одной стороны, признавалось, что режим Франко утвердился с помощью стран «оси», имеет фашистский характер, продолжает поддерживать нацистских военных преступников и т.п. С другой стороны, подкомитет не мог рекомендовать Совету Безопасности вмешаться в дела Испании, поскольку Франко не совершил какого-либо акта агрессии и не угрожал международному миру, хотя представляет собой «потенциальную угрозу». В связи с этим предлагалось передать вопрос в Генеральную Ассамблеею, которой и рекомендовалось призвать всех членов ООН к разрыву всяких отношений с Испанией [6, с. 183—184].

В течение июня представленный подкомитетом доклад рассматривался на нескольких заседаниях Совета Безопасности. Обсуждение вылилось в полные драматизма споры и в конце концов — непримиримое столкновение между советско-польским и западным «блоками». А.А. Громыко утверждал, что все обвинения против Франко абсолютно доказаны, и сам Совет Безопасности должен незамедлительно принять решение о санкциях, иначе он рискует подорвать свой авторитет. Даже самые рьяные его сторонники — делегаты Польши и Франции — заявили, что готовы принять резолюцию подкомитета несмотря на серьезные возражения, так как ее поддерживает большинство Совбеза. Однако при голосовании А.А. Громыко в одиночку, используя право вето, отклонил резолюцию. Так же он реагировал и на все другие предложения, «грозя-

щие» передачей вопроса в Генеральную Ассамблею, где, как можно было ожидать, многие члены проявят «бдительность» в отношении вмешательства во внутренние дела. Ясно, что, протестуя против передачи вопроса в Генеральную Ассамблею, СССР отстаивал именно эту свою возможность — контролировать принятие решений по любому делу, рассматриваемому в Совете Безопасности, оставаясь даже не в меньшинстве, а в одиночестве. Австралийский делегат даже заявил: «Г-н Громыко должен понять, что его “нет” не может применяться к каждому из представленных предложений, до тех пор, пока не останется только его собственное предложение!» [6, с. 229].

Итоговая резолюция содержала лишь положение о том, что Совет Безопасности «оставляет ситуацию в Испании под своим наблюдением и сохраняет в списке дел, находящихся на его рассмотрении». Таким образом, СССР все-таки сумел добиться временного блокирования передачи вопроса в Генеральную Ассамблею. Но по существу это означало отсутствие какого-либо результата полугодовой антифранкистской эпопеи. Центральный пункт советского плана остался нереализованным (впрочем, как и другой: у испанских партизан никаких заметных успехов не было).

Фактическое бездействие главного органа ООН в испанском вопросе при одновременном нагнетании обвинительной риторики против Франко составило такой баланс, который в наибольшей степени благоприятствовал диктатору. Он сумел представить ситуацию таким образом, будто международным нападкам подвергается не его режим, а Испания и испанский народ, и использовать для укрепления своей власти чувство уязвленной национальной гордости.

В декабре 1946 г. испанский вопрос все же был рассмотрен Генеральной Ассамблеей ООН. Он был включен в повестку дня на основании письменного обращения делегаций Бельгии, Чехословакии, Дании, Норвегии и Венесуэлы к Генеральному секретарю ООН. Чтобы это обсуждение стало возможным, пришлось разрешить такую формальность, как снятие испанского вопроса с повестки дня Совета Безопасности. Здесь, как известно, ключ находился в руках советского представителя.

Уже после начала очередной сессии Генеральной Ассамблеи с соответствующей просьбой обратился к В.М. Молотову глава испанского республиканского правительства в изгнании Х. Хираль. «Просьба Хираля вызвана тем, — сообщал заведующий отделом МИД по делам ООН А.А. Рощин, — что он надеется собрать две трети голосов в Ассамблее в пользу рекомендации о разрыве членами ЮНО [ООН] дипломатических отношений с Франко...» [7]. Видимо, причиной советского согласия послужило, помимо просьбы Х. Хираля, обнадеживающее начало пленарных заседаний

Ассамблеи: многие страны — члены ООН были явно настроены в пользу принятия жестких мер против режима Франко.

Обсуждение вопроса в Генеральной Ассамблее было сложным и долгим, но уже не имело прежнего накала бескомпромиссности. Противостоящие стороны все же склонялись к выработке согласованного решения, без претензий на достижение невозможного. В итоге 12 декабря была принята резолюция, в очередной раз осудившая режим Франко и подтвердившая запрет на его участие в структурах ООН. На этот раз она призывала все страны отозвать своих послов из Мадрида (не разрывая с ним формально дипломатических отношений). Ключевым в резолюции был следующий пункт: «Если в течение разумного времени не будет создано правительство, которое узаконит свободу слова, религии, собраний, проведет выборы...», Совету Безопасности рекомендовано «рассмотреть средства для изменения подобной ситуации» (надо сказать, что эта рекомендация так и не была реализована). О каких-либо экономических или военных санкциях против Испании речь не шла, за принятым решением уже явно не стояло ничьей, даже советской, подлинной решимости действовать.

Таким образом, полтора года вовлеченности в испанскую ситуацию показали бесперспективность как англо-американских призывов и деклараций, так и советских расчетов на «детонирование» массовых антифранкистских выступлений в сочетании с кампанией международного давления.

Если майский доклад подкомитета по испанскому вопросу Совета Безопасности ООН и предложенная им резолюция в принципе представляли собой компромиссный вариант, то СССР как раз тогда делал ставку не на компромисс, а на попытку использовать шанс радикального «решения» вопроса. Этим и объяснялась предельно жесткая позиция советского представителя в Совете Безопасности. Но уже к концу 1946 г. СССР пришлось убедиться в безрезультатности своих усилий. С того момента Москва начала постепенно смиряться с тем, что Испании предстоит остаться в зоне военно-политического влияния Запада. Испания не входила в сферу первоочередных интересов СССР, поэтому его упорство в данном вопросе было недолгим и весьма относительным.

Резолюция 12 декабря стала своеобразным, хотя и не слишком высоким, «пиком» совместных усилий на испанском направлении Советского Союза и западных стран. Но почти сразу же после краткосрочного и весьма проблематичного сближения началось быстрое расхождение сторон и все более глубокое обострение отношений между ними.

Другой вопрос — в какой степени и каким образом резолюция могла повлиять на развитие ситуации в самой Испании, на власть

Франко. Изоляция франкизма обернулась немалыми трудностями для страны и народа, но сам режим сумел даже стабилизироваться и консолидироваться, а *каудильо* — закрепить за собой в условиях «угроз» и «левацких нападок» из-за рубежа титул национального лидера, спасителя от ужасов новой гражданской войны.

Для только что созданной ООН испанский вопрос стал одним из первых «вызовов». И надо сказать, что эта организация, задуманная как центральный элемент в структуре всеобщей безопасности, почти сразу после начала работы, в том числе и на испанском примере, выявила неэффективность заложенных в ней механизмов. Она была рассчитана на достижение консенсуса между членами Совета Безопасности, а без этого могла решать только второстепенные для великих держав вопросы.

Проблема невмешательства ООН во внутренние дела государств могла быть обойдена, если удавалось ее свести к необходимости поддержания мира. Но уже само вынесение ситуации вокруг какого-либо государства на международное обсуждение оказывалось делом обоюдоострым. Так, в случае с Испанией это привело к консолидации обличаемого режима — под лозунгами защиты права на собственный национальный путь развития, против диктата извне. Этот пример показал, что международные санкции могут быть эффективными при условии, если режим, против которого они принимаются, уже находится в глубоком внутреннем кризисе, иначе их действие может оказаться противоположным. Второй вариант — когда какая-либо из великих держав берет на себя ответственность за развитие ситуации в проблемной зоне, предпринимает самостоятельные шаги, а резолюция ООН служит для создания необходимого «международного климата».

В последующие после рассмотренных событий годы раздел Европы стремительно завершался. Испании предстояло стать одним из важных стратегических рубежей «сдерживания» коммунистической экспансии. В Мадрид вскоре была направлена американская военная миссия, а затем и официальный американский представитель для заключения договора о крупном займе. Советский Союз форсировал выстраивание собственной системы безопасности на ближайших рубежах, оставив испанский нарыв в тылу западной зоны ответственности и при случае используя эту болезненную тему в разгоравшемся политико-идеологическом противоборстве.

Окончательную точку в своей «испанской» политике советское руководство решилось поставить только через полтора года. 5 августа 1948 г. в Кремле состоялась встреча лидеров КПИ Д. Ибаррури, С. Каррильо и Ф. Антона с И.В. Сталиным, где им было однозначно указано, что партизанское движение необходимо сворачивать и искать новую тактику [13, p. 124—125; 12, p. 96—98; 3, с. 146].

Постепенно сошли на нет и все попытки будировать испанский вопрос в ООН. Декабрьская резолюция (1946 г.) по Испании была отменена в 1950 г. Страсти в мире кипели уже вокруг совсем иных проблем...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Громыко А.А.* Письмо В.М. Молотову. 10 марта 1946 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. Папка 34. Д. 533. Л. 1—2.

2. *Димитров. Г.* Письмо И.В. Сталину // РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 243. Л. 3.

3. *Ибаррури Д.* Воспоминания: В 2 кн. Кн. 2. М., 1988.

4. *Каррильо С.* Доклад о положении в Испании. 6 февраля 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 41. Л. 16.

5. *Молотов В.М.* Записка И.В. Сталину. 8 марта 1946 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 8. Папка 34. Д. 536. Л. 2.

6. ООН. Совет Безопасности. Офиц. отчеты. 1-й год, 1-я серия, № 2. Нью-Йорк, 1946.

7. *Рощин А.А.* Справка по испанскому вопросу. 29 октября 1946 г. // АВП РФ. Ф. 433. Оп. 1. Папка 1. Д. 19 (1946). Л. 50.

8. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Сборник документов. Т. VI. М., 1984.

9. *Alba V.* El Partido Comunista en España. Barcelona, 1979.

10. *Arasa D.* Años 40: los maquis y el PCE. Barcelona, 1984.

11. *Bulloch A.* Ernest Bevin. Foreign Secretary. L., 1985.

12. *Carrillo S.* Dialogue on Spain with Regis Debray and Max Gallo. L., 1976.

13. *Carrillo S.* Mañana España. P., 1975.

14. Foreign Relations of the United States, 1946. Vol. II. Council of Foreign Ministers. Washington, D.C., 1946.

15. Foreign Relations of the United States. 1946. Vol. V. The British of Commonwealth, Western and Central Europe. Washington, D.C., 1946.

16. *Lleonart y Anselem A.J.* et al. España y ONU. Vol. I. 1945—1946. La «cuestión española». Documentación básica. Madrid, 1978.

17. *Lister E.* Así destruyó Carrillo el PCE. Barselona, 1983.

18. La política exterior de España en el siglo XX / J. Tusell, J. Avilés, R. Pardo. Madrid, 2000.